

Одиночное плавание в море булгаковедения
Рецензия на книгу: Лидия Яновская. Записки о Михаиле
Булгакове. «Текст», 2007.

Владимир Яранцев

Трудно найти россиянина, который не любил бы Михаила Булгакова и его фантастику. Кажется, что так же легко и просто, как написаны «Собачье сердце» и «Мастер и Маргарита», можно стать и булгаковедом.

Лидия Яновская своей книгой опровергает это опасное заблуждение. Ее любовь к Булгакову и его произведениям буквально выстрадана тяжелым, но благородным трудом текстолога. Этой поэзией любви и непрерывной работы над текстами классика проникнуты все статьи сборника. В условиях запретов на публикации этого «реакционного писателя» в СССР и ограниченного доступа в архивы тяжесть работы булгаковеда усугублялась. Спустя десятилетия мытарства непризнанного официальным булгаковедением специалиста кажутся увлекательным детективом. Тогда же это было буднями: выдворенная как «совершенно постороннее лицо» из отдела рукописей «Ленинки», автор попадает в читальный зал одной малоизвестной библиотеки, чтобы найти «никому не известный» фельетон молодого Булгакова в «кавказских» газетах 20-х годов (статья «Браво, бис, Ломбард!»). В другом мини-детективе Яновская отвергает расхожую легенду о том, что друзья писателя Ильф и Петров якобы предлагали автору «Мастера и Маргариты» убрать из романа «древние» главы, гарантируя немедленную публикацию. Знаток творчества Ильфа и Петрова, Яновская убедительно доказывает, что авторы «Двенадцати стульев» не имели возможности прочесть булгаковский роман в полном виде и потому не могли говорить ничего подобного.

Подобное разоблачение «мифотворчества советского литературоведения» – среди важнейших тем книги. Остается удивляться количеству несуразиц, невольных и заведомых, нагроможденных нашими именитыми булгаковедами... Потому так и хочется сравнить эту отрасль филологии с булгаковскими гротесками. Яновская объясняет заблуждения и ошибки либо отсутствием «слуха» на булгаковскую прозу, открывающего ее неповторимую интонацию, либо некомпетентностью, происходящей от непомерного тщеславия «первых лиц» этой сомнительной науки. Первые, как Зеркалов, приписывают Булгакову знание Талмуда, который он будто бы использовал при написании «древних» глав «Мастера». Вторые, как Золотоносов, утверждают, что в основе романа лежит «увлечение Булгакова бульварными антисемитскими романами начала века». Немало времени и, главное, здоровья пришлось потратить Яновской на текстологические дискуссии о «Мастере и Маргарите». В очных и заочных спорах с Чудаковой, Гудковой, Саакянц и другими автор, всегда на высшем уровне компетенции, не уставала доказывать свою правоту.

Есть в этой немалой эрудиции Яновской что-то мистическое. Будто сам Булгаков, свыше, подсказывал ей, какой вариант написания слова или фразы надо выбрать. Но не явно, а через «медиума» – свою последнюю и самую любимую жену Шиловскую-Булгакову, с которой автор книги была хорошо знакома и духовно близка. Елена Сергеевна присутствует во всех статьях-главах книги. Одна из них («Я все забываю спросить у Миши...»), кстати, свидетельствует о ее медиумизме: в ней цитируются записи ее снов, в которых она общалась с умершим мужем как с живым. Самая панегирическая глава о жене Булгакова так и названа: «Королева моя французская...». После этого не остается сомнений в том, что прототипом героини «Мастера...» могла быть только Елена Сергеевна. Недаром она покорила сердца

таких «генералов» советской литературы, как Фадеев и Симонов, и имела подлинно аристократические привычки. Например, «обожала тратить деньги», однажды купив сыну автомашину (в советские времена), любила комфорт и поклонников. Но, пишет далее Яновская, «королева, колдунья, она была все-таки женщиной. Она обманывалась в людях, как Булгаков бы не обманулся».

Сама же Яновская обманываться в людях – коллегах по цеху – категорически не хотела. Свидетельство тому – знаменитое («ходило по рукам») письмо в «Литгазету» 1992 года, где все ее обиды вылились в гневный памфлет. Досталось всем – Чудаковой, Искандеру, Аверинцеву... И вот невеселый итог ее одиночного плавания в море булгаковедения: «К своим 65 годам я вполне притерпелась к унижениям и плагиату. Как притерпелась... к бедной и плохой одежде... к хамству в учреждениях, к грязи в транспорте, к бесконечному своему бесправию, в том числе авторскому». Неудивительно, что Яновская в конце концов покинула родину и уехала в Израиль. Становится понятным, что книга эта не столько «детективная», сколько горькая и отрезвляющая. Особенно после эйфории перестроечных и последующих лет с океаном книг и статей по лжебулгаковедению. «Несмотря на огромное количество (а может быть, благодаря огромному количеству) работ, часто дилетантских, иногда недобросовестных, биография Булгакова тяжело загромождена вымыслами», – отвечает она на анкету Североамериканского булгаковского общества. Яновская добавляет, что ей еще труднее говорить о хранении булгаковских рукописей и их необъяснимых утратах в архивах.

Книга Яновской помогает осознать, что легкость и веселость книг Булгакова – кажущаяся. Ее собственная судьба – судьба гонимого в родном отечестве булгаковеда, автора «Записок», похожих на исповедь, подтверждает это достаточно красноречиво.

16.05.2008

© «Книжная витрина», 2008.